

УДК 82

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО «НА ПЛОТАХ» (ОБРАЗЫ МИТРИЯ И СИЛАНА)

© 2009 г.

В.А. Ханов

Нижегородский государственный педагогический университет

vakhanov@mail.ru

Поступила в редакцию 10.07.2009

Выявляются фольклорно-мифологические аллюзии в рассказе М. Горького «На плотях». Рассматриваются ассоциации с мифологическими образами, которые позволили писателю ярче представить изображаемые события, усилить остроту поставленных проблем. Раскрывается связь автора с национальной духовной культурой, устанавливается генетическая цепочка архетипов – важной составной части творческого мышления художника.

Ключевые слова: мифология, фольклор, ассоциации, аллюзии, духовные стихи, религиозный аскетизм, народные представления, житийный сюжет, тёмные силы.

За последние годы горьковеды немало сделали для того, чтобы переосмыслить творчество М. Горького, по-новому оценить его вклад в историю русской и мировой литературы. Особое значение приобрело при этом стремление рассмотреть художественное наследие писателя сквозь призму фольклорно-мифологических традиций. Как справедливо подчёркивает Л.А. Спиридонова, «изучение творческого метода Горького фактически начинается заново. Но уже сегодня ясно, что понять его эволюцию невозможно без изучения мифопоэтической основы, на которой он базировался» [1, с. 12]. Фольклорно-мифологические «корни» имеет, в частности, один из шедевров раннего творчества Горького – рассказ «На плотях».

В центре рассказа – изображение «греха» снохачества. Но отношения главы семейства Силана с сыном Митрием и его женой Марьей не те, что в традиционном любовном треугольнике: нет сцен ревности, объяснений отца с сыном. Свою обиду Митрий выплёскивает не на отца, а на работника Сергея: «Сергей! – раздался страстный, чуть не рыдающий шёпот. – Христа ради прошу, не рви ты мою душу, не жги меня! <...> Забыть я хочу это, пойми! Позор мой... мука лютая... Не в мочь мне»¹. Сергей же, подтрунивая над Митрием, говорит о Силане с явным восхищением: «Герой у тебя отец... Какую кралечку милует!»

Мучительно переживая происходящее, Митрий желает уйти от «неправедной» жизни, мечтает о «спасении души». «Я уйду, – заявляет он Сергею. – Я, брат, осенью ныне – на Кавказ, и – конечно! Али вы во Христе живёте?» Желание

уйти от «неправедной» жизни, от людей уже давно созрело в душе Митрия. Оно было сформировано в нём чтением «книги святого писания» и проповедью «дедушки Ивана», который назвал любовь «смертным грехом». Да и сам герой теперь твёрдо убеждён, что любовь – «пакость одна да грех».

Стремление Митрия уйти от «неправедной» жизни, во всем поступать «по-божески» в определённой степени сближает его с героем популярнейшего на Руси стиха об Алексее Божием человеке. Примечательно, что «иные люди», которые дают Митрию «книгу святого писания» и к которым он собирается уйти, обращаются к нему следующим образом: «Читай, человек Божий... слово истинно!» Заслуживает внимания и другое совпадение: раскрывая образ Митрия, Горький замечает, что он «ни в мать, ни в отца» и что отец его имеет «достаток большой». Нечто подобное можно сказать и о Святом Алексее, оставившем своих богатых родителей. Более того, как и Святой Алексей, горьковский герой стремится сохранить свою девственность, желает умертвить свою плоть и служить только Богу.

Следует, однако, заметить, что отношение писателя к образу Святого Алексея было сложным и противоречивым. Горький подчёркивал: «Мне очень не нравилось «житие» патрона моего Алексея, человека Божия <...> Я вообще не любил рабов Божьих» [2, с. 139]. В житии Святого Алексея писателя привлекала устремлённость «преподобного» к духовной наполненности и вызывала несогласие идея терпения, бегства от радостей бытия. Всё это отразилось в

интерпретации образа Святого Алексея в творчестве Горького.

На определённую связь рассуждений Митрия о душе, жизни со стихом о Святом Алексее критики обратили внимание вскоре после публикации горьковского рассказа. «Разве это не то чистое понимание христианства, – писал, к примеру, Ф.Д. Батюшков, – как учения «не от мира сего», которое присуще и народным обработкам легенды об Алексее, человеке Божиим... Митрий – трогателен и умиляет» [3, с. 112]. К сожалению, критик не увидел своеобразия позиции Горького в разработке популярного житийного сюжета. Дело в том, что Святой Алексей уходит от богатой, полной удовольствий жизни, которую он считает грешной, во имя идеи, веры. Обретённые христианские ценности он утверждает своей праведностью. Иное дело горьковский герой – Митрий. Его желание уйти от «неправедной» жизни есть в принципе стремление вообще спрятаться от неё. Более того, Митрий не только отвергает плотское начало, чувственную любовь, он вообще шлёт проклятия людям: «Анафема вам!» В итоге мораль Митрия оказывается неестественной, бесчеловечной. Поэтому аллюзия на «Житие Алексея человека Божия» в рассказе Горького имеет, как нам представляется, случайный характер.

Содержание рассказа «На плотях» позволяет отметить другие религиозные истоки образа Митрия. Работник Сергей, пытаясь выяснить, к каким людям хочет уйти его товарищ, спрашивает: «А что ж это за люди там, на Кавказе? Они молокане, что ли?» Молоканами в народе называли представителей секты, которые сами себя именовали духовными христианами или «Божьими людьми». Одно из главных убеждений духовных христиан заключалось в воздержании от мяса, вина, брачных отношений, так как пристрастие к чему-либо в мире есть победа плоти над духом. По представлениям последователей этого учения, вследствие победы плоти люди с течением времени «растлились», утратили Бога, и их пристрастие к удовольствиям жизни вызвало борьбу между собой [4, с. 644–646]. Подобные суждения высказывает и Митрий: «Безбожные вы люди! Зачем вы живёте? Где у вас Бог? А там иные люди, живы души их во Христе, и сердца их содержат любовь и о спасении мира страдают... Брошу вас, волки безумные, – от плоти друг друга питаетесь вы».

Последователи духовного христианства, «христовщины» апеллировали к Апокалипсису, в котором говорится о 144 тысячах «искуплённых от земли. Это те, которые не осквернились с жёнами, ибо они девственники... Они искуп-

лены из людей, как первенцы Богу ... они непорочны перед престолом Божиим» (Откр. 14). Ведь, по сути дела, и Митрий, стремясь уйти от «неправедной» жизни, «искупляет» себя от земли, от людей. Более всего он думает о собственной душе, желает личного покоя. Однако, встав на путь пассивного смирения и терпения, горьковский герой отказывается не только от людей, но, что парадоксально, и от самого себя. **Его путь – это не спасение, а саморазрушение и смерть.** Ведь не случайно Митрий, стремящийся к святости, вдруг начинает думать о самоубийстве и становится как бы «ничем», оказывается во власти тёмных сил. По словам работника Сергея, он не человек, а «ни бэ, ни мэ, ни ку-ка-ре-ку», потому что «постоять за себя не умеет», «соломину о колено не переломит».

Еще более резко говорит о Митрии его отец Силан. Он называет сына «тряпицей гнилой», «мертвечиной», «стервой тухлой», «кикиморой несчастной». Все характеристики имеют негативную окраску. Они как бы подчеркивают принадлежность Митрия к иному, «нечистому» миру, связанному со смертью. Так, слово «стерва» обозначает «падаль», «труп животного», то, что лишено признаков жизни. Особенно показательно определение «кикимора несчастная». Как известно, кикимора – существо «змеиноного» ряда. Исследователь славянской мифологии А.Н. Афанасьев отмечает: «Кикимор представляют безобразными карликами, у которых голова – с напёрсток, а туловище – тонкое, как соломинка» [5, с. 136]. Во внешнем облике Митрия ведь тоже подчёркнута болезненность: хилый, чахлый, тонкие руки, хрипло кашляет. Это о нём сказано, что он «соломину о колено не переломит».

Не выдержав издевательств Сергея, Митрий издал «болезненно визгливый вопль». По словам Силана, его сын «воет». В восприятии Марьи, он «скулит». Все эти звуки традиционно приписываются «нечистой силе». По народным представлениям, отмечает А.Н. Афанасьев, «злые духи любят выть, свистеть и шипеть» [5, с. 136]. Разумеется, горьковский герой не «потусторонняя сила». Но, отвергая благодать бытия, отрицая животворящую любовь как основу всего сущего, **он тем самым соотносится с миром тьмы, холода.** Ведь не случайно Силан называет сына «мертвечиной».

Думая о «спасении души», стремясь к «святости», Митрий, по сути дела, встаёт на путь религиозного аскетизма и поклоняется Богу страдания и смерти. Но именно такой аскетизм, такого Бога и не принимал Горький. К примеру, в очерках «Мужик» он охарактеризовал аске-

тизм как «уродство и болезнь». Причем в своем отрицательном отношении к религиозному аскетизму Горький во многом сходится с В. Розановым, который писал: «Умерщвляться» – это стало не только понятием, идеалом древней России... Для русских «близиться к смерти» и «близиться к святости» слилось в единый путь <...> умереть – святее, нежели жить <...> смерть угоднее Богу» [6, с. 223].

Митрий, безусловно, относится к тем, кто «умерщвляет» свою плоть. И в этом смысле его аскетизм глубоко чужд сотворяющему началу. В итоге вся святость Митрия оказывается жалким прикрытием слабости и безволия, неумения постоять за себя, а его «мудрствование», рассуждения о спасении души становятся выражением старых, привычных понятий, за которые удобно спрятаться, оправдывая свою пассивность. Испытав давящую тоску от разговора с Митрием, работник Сергей теряет к нему всякий интерес. Свой взгляд он устремляет к передним вёслам, откуда слышался смех и долетали восклицания Силана и Марьи. «На том конце плота жили и его возбуждали к жизни», – подчёркивает Горький.

Образ Силана Петрова автор рисует совершенно иными красками: «У одного из передних вёсел стоял Силан Петров, в **красной рубахе** (все выделения в цитатах сделаны нами. – В.Х.) с расстёгнутым воротом, обнажавшим его **могучую шею и волосатую**, прочную, **как наковальню**, грудь. Шапка **сивых волос** нависала ему на лоб, и из-под неё усмехались большие, **горячие**, карие глаза. По локоть засученные рукава рубахи обнажали **жилистые руки**, **крепко** державшие весло».

Все описание внешности героя свидетельствует, что Силан – воплощение жизненной силы и мощи. Причем Горький, рисуя портрет Силана, явно нагнетает детали, семантически связанные с темой огня: «красная рубаха», «горячие глаза». В этот же круг ассоциативно входит и словосочетание «прочная, как наковальня, грудь», ибо слово «наковальня», бесспорно, ассоциируется с кузницей. О силе героя говорят и такие художественные детали в описании его внешности, как «волосатая грудь», «шапка сивых волос», «бородатое лицо», ибо, по народным представлениям, волосы являются «средоточием жизненных сил» [7, с. 105].

В итоге Силан Петров предстаёт как олицетворение языческого могущества плоти. В нём есть нечто от древнего бога-громовержца Перуна. Даже в описании **голоса** Силана явно присутствует атрибутика важнейшего славянского божества: «Клади лево! – **сотрясает** тьму **громкий**

крик»; «Эй, вы!.. – **раскатисто загремело** и поплыло по реке»; «Силану Петрову нравилось шуметь на реке среди тяжелого молчания своим **густым и крепким басом**»; «О-ох! – **выдохнул** он из себя целый столб **горячего воздуха**... И от его **крика** всё кругом как бы **всколыхнулось**. **Долго** по горному берегу **звучало эхо**». Во всём описании голоса героя вполне определенно преобладают слова с семантикой «грома», «грохота». Впечатление мощного, раскатистого грома усиливается и выразительной звукописью: **гр – ок – гро – кри...** Данная звукопись как бы передаёт рокот грома.

На определённую аллюзивную соотнесённость образа Силана Петрова с представлением о боге-громовержце Перуне указывает и тот факт, что Горький наделяет своего героя мощной «творящей» силой, предельным выражением которой является рождение человека. Ведь Марья уже носит под сердцем ребёнка, отцом которого является именно Силан Петров. Характерно, что в славянской мифологии представления о происхождении человеческого рода сливались с верованием в первейшее славянское божество – Род. Это «родитель» вселенной, всего видимого и невидимого мира. Позднее его функции переходят к богу-громовику. По утверждению А.Н. Афанасьева, «как представителю творческих, плодородящих сил природы, Перуну должно было присвоиться прозвание Рода» [8, с. 477].

Заметим, что исследователь А.А. Кунарёв, анализируя образы Силана и Марьи, к истокам рассказа Горького относит мифологический сюжет «небесная свадьба» [9, с. 20].

В связи с отмеченным очень важным является имя горьковского героя, вызывающее комплекс ассоциаций. Прежде всего, имя Силан можно истолковать по законам «народной этимологии»: оно связано со словом «сильный». Кроме того, значение имени героя «подкреплено» его отчеством и фамилией: Силан Петрович Петров. Имя «Петр» в переводе с греческого обозначает «камень, скала, утес». В Силане Петрове действительно есть что-то от камня, скалы: твёрдость, мощь. Заметим, что сын Силана – Митрий – тоже Петров. Но, по словам отца, это «выродок», которого он «себе на муку родил». Для Силана сын – «комар писклявый», его «и убить-то не можно».

Думается, что Силан Петров соотнесён писателем с камнем, скалой не только в смысле крепости и мощи, но и в смысле суровости, жёсткости. Любовь Силана к Марье, его активность проявляются неистово и дико. Ведь с православной точки зрения и с точки зрения обычной

морали коллизия рассказа «На плотях» греховна: **Силан Петров – «свекор-батюшка» Марье**. Работник Сергей не только восхищается влюбленными, но и осуждает их: «... ни стыда, ни совести», «пакостники», «черти поганые». Пытаясь разобраться в сложившейся ситуации, он, обращаясь к Митрию, заявляет: «А твоим ведь зачислится ребёнок-то... «Тятка», – скажет тебе. А ты ему, значит, не тятка, а брат будешь. А тятка-то у него – дедушка!»

В то же время следует заметить, что Силана Петрова мучает сознание греха. Ситуация, в которой он оказался с Марьей, представляется ему петлёй, из которой нет выхода: «Ошибка моя была. Умрешь от неё раньше смерти...» И всё-таки, несмотря на сомнения и угрызения совести, Силан стремится утвердить своё право на счастье. «Пусть все видят!.. Грех делаю, точно. Знаю... И всё переступил. Потому – стоит. Один раз на свете-то живут...»

Таким образом, Силан Петров принадлежит к тем, кто устанавливает душе свои законы, переступает общепринятую мораль. В нём есть нечто от сверхчеловека Ф. Ницше: сильная натура, упругая энергия, стремление утвердить свое «я», пренебрегая нравственными нормами. «Ухарь» – так называет Силана Петрова работник Сергей. «Ухарь» – значит лихой, отчаянный.

В итоге, раскрывая отношения Силана и Митрия, Горький явно встаёт на сторону отца. Но объясняется это не авторским оправданием «греха», не проповедью нищезанятия. Писатель органически не приемлет Митрия, который «постоять за себя не умеет», покорно смиряется со своим жалким положением и стремится вообще уйти от жизни. Горький решительно отвергает пассивное страдание, аскетизм. Он отдаёт предпочтение жизненной силе, действительности, естественному чувству.

Авторская позиция в рассказе «На плотях», отношение писателя к отцу и сыну выражается не только в портретных характеристиках героев, но и при помощи других композиционных приёмов. В рассказе **две части и две группы персонажей**. Действие первой части, в которой представлены Митрий и Сергей, развёртывается на «**хвосте плота**». Причём Митрий смотрит либо «назад по реке», либо «глядит в воду». За ним – **ночь, мрак, тёмные тучи**.

Действие второй части, в которой представлены Силан и Марья, происходит «**у передних вёсел**». Даже в тумане тёмной ночи, «подавшись корпусом вперед», Силан «что-то зорко высматривает в густой мгле». Он разгоняет «тяжёлое молчание своим крепким басом». И если за Мит-

рием остаётся **уходящая ночь**, то Силана и Марью встречает **наступающий рассвет**. «Плоты плыли вперед, – подчёркивает Горький, – туда, где тьма уже редела и таяла». В конце же повествования писатель рисует Силана и Марью под сияющим голубым небом. Они облиты солнцем, распахнуты навстречу жизни, устремлены к земным, человеческим радостям. Сама природа, с которой герои сливаются воедино, как бы одаряет их своими богатствами.

Итак, в рассказе «На плотях» можно увидеть целый ряд аллюзий, связанных с фольклорно-мифологическим творчеством. В частности, Митрий в определённой степени соотнесён с Алексеем Божьим человеком (правда, не по сути своей жизненной позиции, а по довольно поверхностным признакам), образ которого писатель трактовал весьма неоднозначно и противоречиво. Глава семейства Силан Петров ассоциируется с древним славянским божеством Перуном. Мифопоэтической основой рассказа являются народные представления о тёмных силах и житнетворящих началах. Всё это позволило Горькому создать яркие, впечатляющие образы и на примере, казалось бы, специфического материала поставить важные проблемы.

Примечание

1. Художественные произведения М. Горького цитируются по изд.: Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука. 1968–1976.

Список литературы

1. Спиридонова Л.А. Мифопоэтическая основа художественного мира Горького // Максим Горький – художник: проблемы, итоги и перспективы изучения. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. С. 3–12.
2. Литературное наследство. Т. 70. М.: Академия наук СССР, 1963. 736 с.
3. Батюшков Ф.Д. О Горьком // Космополис. 1898. № 11. С. 111–112.
4. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XIX а. СПб., 1896. 960 с.
5. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Т. 3. М., 1869. 840 с.
6. Розанов В.В. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. 635 с.
7. Толстой Н.И., Усачёва В.В. Волосы // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 105–106.
8. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими

ми сказаниями других родственных народов: В 3 т. Т. 2. М., 1868. 788 с.

9. Кунарёв А.А. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1996. 30 с.

**FOLKLORE-MYTHOLOGICAL SOURCES OF MITRY'S AND SILAN'S CHARACTERS
IN M. GORKY'S STORY «ON THE RAFTS»**

V.A. Khanov

Folklore-mythological sources of M. Gorky's story «On the Rafts» are revealed. Allusive interrelationships of Gorky's characters with the mythological images are considered. These allusions let the author describe events in a more vivid manner and reinforce the acuteness of the problems posed in the story. The author's connection with national spiritual culture is revealed, a genetic chain of the archetypes that are an important part of the artist's creative thinking is established.

Keywords: mythology, folklore, traditions, sources, associations, allusions, spiritual verses, religious asceticism, folk beliefs, hagiographic plot, dark forces.